

А.Я. Белобородов

ВОСПОМИНАНИЯ

*Публикация подготовлена к печати Е. Деревяго и М. Пчелинцевой
под редакцией А. Шишкина*

В соответствии с последней волей художника (завещание от 25 января 1961 г.; РАИ, ф. Белобородова, к. 1, № 5), его архив и коллекция рисунков были переданы Ольге Шор; после ее смерти эти материалы, включая неизданные «Воспоминания», были присоединены к архиву Вяч. Иванова, который хранится в Исследовательском центре Вяч. Иванова в Риме. Его описание трудами Дж. Джулиано см. на электронном ресурсе: <http://www.russinitalia.it/archiviodettaglio.php?id=110>.

Белобородов начал писать «Воспоминания» в июне 1955 г., завершил в 1956 г., что отмечено в его «Curriculum vitae» (автограф карандашом; РАИ, ф. Белобородова, к. 1, № 26, л. 9). Их первоначальное название — «Автопортрет» (автограф карандашом; Там же, № 12–16). Последняя редакция в пяти частях — машинопись с правкой карандашом, новая орфография, всего 148 листов — носит название «Воспоминания» (Там же, № 17). Даты везде даны по старому стилю. Эта машинопись положена в основу данной публикации.

Белобородов предполагал сопроводить издание «Воспоминаний» значительным количеством иллюстраций из своего собрания — в основном неизданных рисунков и портретов. Текст печатается с сохранением особенностей авторской орфографии.

13–16 января 1956 г. М.В. Добужинский писал Белобородову: «Поздравляю с внезапно написанными воспоминаниями. Bravo! Как я завидую Вам, что Вы так скоро справились, видно, Вас “прорвало”! Как мне будет интересно прочесть об общих, дорогих нам годах. Очень любопытно знать, что именно Вас толкнуло сделать такой подвиг <...> Пожалуйста, только не остывайте и продолжайте» [Джулиано 2011, с. 170]. 9 июля 1956 г. Добужинский из Парижа сообщал Белобородову: «После Вашего отбытия дважды видел Сергея Маковского и мы говорили о Вас и о произведении Вашего *замечательного* (выделено Добужинским. — А.Ш.) пера. Радуюсь, что Вы вернулись в Рим коронованным триумфатором» [Там же, с. 176]. Одно из приложений к «Воспоминаниям» носит следы уточнений и дополнений А.Н. Бенуа и М.В. Добужинского (Перспективная Царско-сельская дорога. Приложение к части V // РАИ, ф. А. Белобородова, к. 1, № 19, л. 1).

Издательство «Грани», которому художник предложил издать свою книгу, не заинтересовалось «Воспоминаниями» (см. письмо издательства к Белобородову от 27 июня 1956 г. (Там же, № 24а, л. 1)), больше попыток увидеть в печати свою книгу Белобородов не предпринимал.

Источники и литература

РАИ — Римский архив Вячеслава Иванова (Исследовательский центр Вяч. Иванова в Риме)

Гиппиус 1999 — *Гиппиус З.* Дневники: в 2 кн. М.: Интелвак, 1999. Кн. 1.

Джулиано 2011 — *Джулиано Дж.* «Прогулка по стране воспоминаний»: встреча двух художников в эмиграции. Переписка М.В. Добужинского и А.Я. Белоборова // Русско-итальянский архив. VII. Salerno, 2011. С. 115–188.

Дудоров 1993 — *Дудоров Б.П.* Адмирал Непенин. СПб.: Облик: Вита, 1993.

Пуришкевич 1990 — *Пуришкевич В.М.* Дневник «Как я убил Распутина». М.: Сов. писатель, 1990 (репринт изд. 1924 г.).

Революция и гражданская война в России... 2008 — Революция и гражданская война в России: 1917–1923 гг. Энциклопедия: в 4 т. / под ред. С.А. Кондратова. М.: Терра, 2008. Т. 3.

Часть IV

Весь год после окончания Академии Андрей занят начатыми еще раньше работами в Юсуповском дворце на Мойке¹ (см. цв. вкл.), несмотря на продолжающуюся войну, работы идут полным ходом; апартаменты молодых² постепенно принимают законченный вид, и для исполнения своих проектов стеной росписи и плафонов Андрей привлекает Чехонина³, Тырсу⁴ и Конашевича⁵.

В гостиной Княгини Чехонин пишет акварелью тончайшие узоры плафона, где лебеди, чередуясь с причудливыми вазами, держат гирлянды самых разнообразных цветов, между которыми порхают и гонятся за бабочками райские птицы. Он же исполняет небывалую по размерам финифть⁶, в виде корзины с цветами для мраморного камина в спальне Княгини.

Конашевич вначале помогает Чехонину и затем, уже самостоятельно, пишет на шелку вставки в боковых дверях большой гостиной, исполняет роспись на серебряных стенах «фонтана слез» и расписывает плафоны личных апартаментов Княгини.

В гостиной Князя роспись, исполненная Николаем Тырса, состоит вся из скульптурных мотивов на синих и зеленых фонах. На двух сторонах зеркального свода с кессонами⁷ колесницы Аполлона и Авроры сопровождаются трубящими в раковины тритонами и крылатыми гениями. Над дверьми из «пирамидки» красного дерева с резными на них черными перунами упругие серые грифоны сплелись хвостами на густо-синих фонах.

Все двери парадной анфилады были украшены резными мотивами, золочеными или черного дерева. Для скульптуры с уйгурами Андрей обратился к Борису Яковлеву⁸ (тогда только что окончившему Академию художеств), который вылепил вставки высокого рельефа над зеркалами полу-ротонды, расположенной между двойной колоннадой танцевального зала и зимним садом. Здесь зеркальные полукруглые двери вместе с зеркалами в простенках давали впечатление бесчисленных галерей, окружающих помещение, которое друзья Андрея прозвали «зеркальным засильем». (Лишь средняя дверь полукруглой залы имела прозрачные стекла, что позволяло видеть ионические колонны, обрамлявшие глубокую нишу нейтрального фонтана зимнего сада.)

В этот период Андрей несколько раз ездил по поручению князя в подмосковное Архангельское. В первый раз он приехал туда летом, когда в имении жили все Юсуповы, и за ним выслали на станцию необыкновенно легкий одноместный шарабанчик⁹ на резиновых шинах, с монументальным кучером, затянутым в белоснежный замшевый кафтан, с большими серебряными часами на шарообразном наваченном заде и блестящим черным кучерским цилиндром над золотисторыжей бородой лопатой. В этот раз вызвался быть «чичероне»¹⁰ молодой князь, который во время подробного осмотра поместья рассказывал Андрею о своих грандиозных планах.

Другие поездки в Архангельское были связаны с работой и происходили зимой, в отсутствие владельцев. Во время одной из них Андрею было поручено подобрать цвета для покраски внутренних зал дворца; эту работу можно было делать лишь при дневном свете, и, по зимнему времени, оставались свободными длинные вечера, которыми Андрей решил воспользоваться, чтобы порыться в обширной библиотеке, помещенной в отдельном павильоне парка. Огромные богатства этого собрания не имели никакого описания. Не было ни каталога, ни даже электрического освещения, и управляющий имением, усатый отставной полковник, заявил, что хочет присутствовать при «раскопках» и вызвался держать свечу над рассматриваемыми книгами.

Добравшись через снежные сугробы до павильона библиотеки и раскрывая наугад старинные увражи¹¹, среди прочих великолепий Андрей натолкнулся на альбом, все листы которого были нарисованы рукой Гваренги; эти рисунки, изображавшие нескончаемое коронационное шествие, были исполнены пером и раскрашены любимыми тонами мастера, среди которых преобладали холодно-розовый и бледно-зеленый¹². Андрей был в восторге от находки и никак не мог понять причины разочарованного вида бравого полковника и лишь позднее о ней догадался, когда кто-то спросил его, видел ли он знаменитое, якобы находящееся в библиотеке Архангельского, собрание эротических французских гравюр 18-го века.

Если не считать поездок в Архангельское и в Киев, к графине Бобринской, Андрей до конца лета 1916 года не отлучался из Петербурга, но в августе этого года ему пришлось совершить уже настоящее большое путешествие. Еще в июле русские войска, быстро продвигавшиеся по Турецкой Армении, взяли штурмом Эрзерум и заняли Ердзинджан¹³, после чего Петербургская академия наук решила отправить туда экспедицию для исследования памятников армянской архитекту-

ры, до той поры недоступных. Эту экспедицию возглавлял профессор Н.Л. Окунев¹⁴, который убедил Андрея принять в ней участие в качестве архитектора. Роль Андрея заключалась в рисунках, обмерах и руководстве снимками фотографа, бывшего третьим членом экспедиции.

Условились встретиться в Карсе¹⁵, куда в то время доходила железная дорога. Добравшись до Тифлиса, Андрей в первый раз в жизни очутился среди высоких гор и целый день бродил по очаровавшему его своим восточным характером прелестному городу; войдя уже поздно вечером в вагон отходившего в Карс поезда, усталый от долгого путешествия и пережитых впечатлений, он почти тотчас же заснул. Поезд медленно поднимался в гору, когда Андрей проснулся; выглянув в окно, он увидел среди залитого солнцем фантастического пейзажа совсем близко сидевшего на ветке хамелеона на фоне искрившегося, падающего с высокой скалы водопада. Феерические горные панорамы продолжались до самой крепости Карса, где вся местность почти внезапно становилась плоской и мрачной. Здесь уже сильно чувствовалась война и близкий фронт. «A la guèrre comme à la guèrre»¹⁶, — сказал Окунев, когда, погрузившись в грузовик, члены экспедиции затряслись по разрытой глинистой дороге.

Так началось путешествие экспедиции по Турецкой Армении; держали путь на Эрзерум, по военной дороге, и невзирая на ямы и рытвины грохочущий грузовик несся по ней, останавливаясь или замедляя ход лишь тогда, когда путь был занят войсками.

Оставаясь пустынной, местность становилась все более волнистой, и за голыми холмами показались стоящие одиночками характерные остроконечные горы. «Вот откуда вышли странные конические перекрытия армянских церквей», — подумал Андрей, увидав эти горы на горизонте. Вообще за время путешествия его поразила необыкновенная связь местной архитектуры и всех ее деталей с пейзажем — даже ручки дверей скромных домов в кое-где встречавшихся поселках были похожи на тут же скользящих между камнями ящериц, необыкновенно упругих и гладких и часто принимавших форму полумесяца. И как в природе не похожи были древние армянские церкви на висевшие в академической «Архитектурке»¹⁷ сухие чертежи, на которых все украшения напоминали сахарные разводы на пасхальных куличах!

Совсем иное впечатление среди величественного пейзажа производили древние памятники архитектуры, в которых стены с тончайшими на них орнаментами, ребристые купола и конусы перекрытий — все было выложено и выточено из камня необыкновенного золотистого цвета*¹⁸.

Сливались с пейзажем и украшали его и те турецкие постройки, которые не касались темы экспедиции и потому не интересовали Окуневу — например, встретившаяся по пути прекрасная перекрытая куполом ротонда над большим круглым бассейном, натурально-теплая вода которого кишела телами плескающихся в ней и восторженно вопящих русских солдат.

* Церкви эти, часто восходящие к первым векам христианской эры, подробно описал Н.Л. Окунев в Пражском журнале «Русский Зодчий за рубежом» (25 июля 1938 г.). В этой статье, кроме исторического очерка, он поместил ряд исполненных во время экспедиции фотографий и планов (примеч. автора).

Очень красив был местный тип турок, — особенно стариков, строгие лики которых были увенчаны чалмами, и отроков лет 12–14. (О женщинах судить было невозможно, т. к., закутанные с головы до ног, они были похожи на безликие, темно-коричневые и странно двигающиеся мешки.)

Встречавшимся изредка поселкам большой характер придавали маленькие пугливо-дикие кошки, необыкновенно пушистая шерсть которых была ровно серебряного или сплошь золотого цвета; кошки эти внезапно появлялись из щелей старых каменных стен и, сверкнув изумрудными глазами, мгновенно исчезали.

Все время приближаясь к Эрзеруму, экспедиция добралась до Гассан-Кала, где в то время была ставка главнокомандующего турецким фронтом¹⁹; когда путешественники были уже близко от городка, над ними совсем низко пролетел вражеский аэроплан, очевидно не нашедший нужным тратить бомбы на столь тощую добычу и быстро скрывшийся за холмами.

Во время путешествия как профессор, так и архитектор носили костюмы военного покроя цвета «хаки» с погонами (три звездочки у Андрея и полковничьи у Окунева), и на обоих были тропические шлемы, предохранявшие их головы от южного, очень жгучего августовского солнца. Шлемы эти оказались причиной забавного недоразумения: когда, подъехав к дому главнокомандующего, члены экспедиции начали подниматься по широким ступеням наружной лестницы, им навстречу вышел адъютант генерала, чрезвычайно торжественно и почтительно (звание архитектора-художника давало право на чин X класса) обратившийся к ним с приветствием на чистейшем английском языке, очевидно приняв их за членов британской военной миссии. Недоразумение это чрезвычайно развеселило главнокомандующего, который тотчас же пригласил путников к обеду, и эта трапеза с прислуживающими денщиками, кавказским вином и несколькими блюдами была единственной за все время путешествия, происходившей в нормальных условиях. В другие дни еда проглатывалась «на ходу» и обычно состояла из пшенной каши с постным маслом, фруктовых консервов в жестянках и горячего чая, т. к. только это питье члены экспедиции себе позволяли.

Несмотря на строгий гигиенический режим, почти тотчас по прибытии в Эрзерум как Окунев, так и Андрей одновременно свалились в жесточайшей, свирепствовавшей в то время в городе лихорадке. Андрею хорошо запомнилась высокая комната в доме, реквизированном у какого-то турецкого сановника, куда их поместили. Здесь через каменную решетку находившегося под самым потолком маленького окна виднелись листья деревьев внутреннего двора, и в комнате всегда царил зеленый полумрак. Раскрывая глаза в промежутках забытья, Андрей каждый раз видел грузную фигуру разметавшегося на постели Окунева: у обоих температура дошла до сорока двух градусов. Больные совершенно не отдавали себе отчета в том, сколько времени они пробыли в бреду и беспомощности, и лишь впоследствии они узнали, что это состояние длилось больше недели. (Когда наконец начали они поправляться, то вместе с восстановленными силами вернулось и чувство юмора: очень развеселило их отведенное им «турецкое» местечко, в котором услужливые денщики соорудили «для господ офицеров» двустворчатые, низенькие ширмочки, наваченные верхние края которых они обили красным бархатом!)

Как только Окунев и Андрей почувствовали себя лучше, экспедиция двинулась по узкой вьющейся по горам дороге на Ердзинджан. Когда достигли самого высокого перевала, вся широко раскинувшаяся под ногами путешественников местность, состоявшая из голых, разноцветных скал и холмов, стала похожа на раскрашенную рельефную географическую карту. После бесчисленных крутых подъемов и спусков стали наконец попадаться первые деревья, и вдали появился утопающий в зелени Ердзинджан, который должен был служить базой экспедиции для дальнейших исследований.

Добрались до города уже к вечеру, и, очевидно, не вполне долечившийся Андрей тотчас же лег в отведенную ему постель, а к утру горел в сильнейшем жару вернувшейся лихорадки. Вызванный Окуневым доктор после внимательного осмотра спросил его: «Э, молодой человек, хотите жить?» И после того, как напряженно смотревший ему в глаза Андрей кивнул головой в знак согласия — «Ну, так сейчас же вон отсюда!»

Уже впавшего в беспамятство Андрея подняли вместе с матрасом, уложили в грузовик, и тотчас началось мытарство обратного путешествия*. От первой ночевки в смутном воспоминании Андрея остались огромный барак полевого лазарета, бесконечные ряды коек с больными и ранеными и скользящие между ними белые тени сестер милосердия, а на утро опять стук мотора и толчки на буграх развороченной дороги. После второй ночевки, с приближением к Кавказу, появились первые признаки возрождения, а от Карса Андрей мог уже самостоятельно продолжать путешествие в поезде. В Тифлисе же он почувствовал себя чудодейственно ожившим, особенно после посещения «Турецкой бани»²⁰, где старый перс с покрашенными шафраном ногтями на ногах опрокидывал на него из большого мешка мыльную пену, мял коленями его спину и поливал ее водою бирюзового цвета; и никогда еще ему не казались такими вкусными душистые персики и сладкий виноград «шашла», которые после Тифлиса продавались на станциях, в то время как он возвращался в столицу.

Был уже сентябрь месяц, когда Андрей доехал до Петербурга, где осмотревший его врач посоветовал ему не полагаться на кажущееся выздоровление и, не дожидаясь приближающейся гнилой погоды, уехать на Черное море, в благословенный Крым.

ПУТЕШЕСТВИЕ В КРЫМ (сентябрь 1916 г.)

В поезде попутчиком Андрея оказался молодой гвардейский офицер в штатском, носивший громкое имя Чингис-Хана. Это был маленький, черномазый и очень веселый паренек с правильными, совсем не монгольскими чертами лица, ничем не напоминавший своего свирепого предка.

На шестой день все в том же вагоне путешественники прибыли в Симферополь, откуда уже на лошадях добрались к вечеру до Ялты. Остановились в гости-

* Окунев остался с фотографом в Ердзинджане, вокруг которого находились совершенно до того не доступные памятники армянской архитектуры. С ним Андрей увиделся уже в Петербурге и при свидании едва узнал его, до такой степени он исхудал от утомительного путешествия (*примеч. автора*).

нице «Франция»²¹ на самом берегу моря. Когда утром Андрей, привыкший к бледным тонам Финского залива, вышел на набережную, он был поражен и очарован сияющей лазурью моря, поистине не заслужившего своего мрачного названия.

Очень живописная Ялта все же была городом, и через несколько дней Андрей перебрался в Алупку. Здесь время проходило в прогулках, купании и экскурсиях, и здесь же Андрей познакомился с жившей в одном с ним пансионе Е.Г.²², сыгравшей впоследствии большую роль в его личной жизни. Очень скоро Андрей совершенно поправился от турецкой лихорадки и жил, не думая ни о работе, ни о деловых обязательствах; но все же нельзя было уехать из Крыма, не показавшись в Кореизе²³, где в то время жили родители молодого Юсупова, тем более что общество княгини Зинаиды Николаевны²⁴ всегда доставляло Андрею искреннее удовольствие.

В Кореизе он был очень любезно принят не только княгиней, но и старым князем²⁵, который ввиду отсутствия предприимчивого сына уже не опасался, что архитектор приехал «разрушать» его любимое имение, и тотчас предложил ему сделать с ним прогулку в автомобиле по их обширным Крымским владениям²⁶. Прогулка эта осуществилась на другой же день, и в ней приняла участие гостившая в то время у Юсуповых дама, видная представительница Петербургского общества. Выехали с утра, и машина начала медленно подниматься по крутой и извилистой дороге на Яйлу²⁷. На самом вершине плоскогорья перед глазами путешественников открылся фантастический и грандиозный вид: под ногами бежали клубящиеся облака, и в их разрывы были видны утопающие в зелени дворцы и виллы, розовые скалы и ярко-синее море. Величественный генерал встал в машине, выпрямился во весь свой высоченный рост, протянул руку над облаками и торжественно продекламировал из Пушкина; после чего машина быстро направилась по направлению к «Оленьему лесу», на опушке которого, в сторожке, был приготовлен завтрак.

«C'est très convenable»²⁸, — сказал князь, отдавая действительно отлично приготовленной курицы с рисом.

После завтрака в сторожке, сопровождаемые низкими поклонами всего семейства сторожа-татарина, путешественники въехали в дремучий необъятный заповедный лес, и вскоре по сторонам дороги стали появляться фигуры бегущих оленей, быстро исчезающих среди стволов высоких деревьев. Но когда автомобиль чуть не наехал на целую их группу, испуганные животные долго, не сворачивая, бежали перед машиной, и нужно было остановить ее, чтобы олени свернули с дороги и рассыпались по лесу. Наконец после долгого пути подъехали к крутому скалистому обрыву, откуда открывался необозримый вид на дикие скалы и пустынные равнины Яйлы. Тут был знаменитый «Орлиный залет», и, подойдя к самому краю обрыва, путешественники спугнули двух великолепных хищников, которые, вылетев из-под их ног, стали плавно кружиться над пропастью и, наконец, исчезли за горами.

Отсюда путь лежал на молочную ферму, и тут все произошло как на подлинной оперной сцене: добрые поселяне восторженно встретили знатных гостей, вынесли на лужайку большой стол, закрыли его белоснежной скатертью и рас-

ставили на ней кринки с молоком, тарелки с большими ломтями свежего хлеба и блюдо с медом в сотах. Перед глазами севших за стол посетителей расстился большой окруженный темным лесом изумрудно-зеленый луг, на котором паслись отборные коровы. Эта буколическая сцена вызвала неожиданную реплику гостьи Юсупова: «Здесь у коровок отличный аппетит», — сказала она, — «они все время кушают!» Вопросы питания, очевидно, особенно интересовали почтенную даму, т. к. на обратном пути, увидев несколько лысых «коршунов-стервятников», крутившихся в воздухе и что-то клевавших в траве, она захотела узнать, «что они кушают», чем поставила в немалое замешательство князя, который, не желая упоминать о падали, ответил, что они «питаются мясом мертвых животных».

Несмотря на то что прогулка в сильной и быстрой машине продолжалась целый день — с утра до вечера, — далеко не все крымские владения Юсуповых были осмотрены. Так как для Андрея уже наступил момент отъезда, княгиня предложила ему воспользоваться их машиной, чтобы доехать до Бахчи-Сарая²⁹ и побывать в их имении «Кокоз»³⁰. Здесь очень удобный и поместительный дом был построен придворным архитектором Красновым³¹ в ложно-татарском стиле, но очень приятный характер ему придавали многоцветные восточные материи, декорировавшие все помещения.

Конечно, больше впечатлений у Андрея осталось от самого путешествия через дикую и очень живописную страну и от осмотра уже подлинно восточного Бахчи-Сарая, с его ханским дворцом³², знаменитым фонтаном слез³³, мечетями и гулким муравейником базара. Отсюда Андрей вернулся прямо в Петербург, где нашел Феликса Юсупова в очень мало ему идущей форме Пажеского корпуса, поневоле изучающего несколько его не интересующие военные науки. Без всякого сомнения, его гораздо больше занимали работы на Мойке, где он каждый день проводил по несколько часов.

Тут вскоре разыгралось событие, взволновавшее весь мир и наложившее свой отпечаток на ход истории: трагическая смерть Распутина. Приводим здесь выдержки из записок самого Андрея, написанных еще под свежим впечатлением происшедших во дворце событий.

ЗАПИСКИ АНДРЕЯ*

В период, непосредственно предшествовавший роковой ночи, и в ближайшие дни после нее мне приходилось почти неотлучно находиться в Юсуповском дворце и по много часов проводить в обществе молодого князя. Не имея никакого отношения ни к «заговору», ни к его осуществлению, мне невольно пришлось быть свидетелем и «приемником» рефлексов настоящих участников заговора, в сценах, происходивших на моих глазах, в обращенных ко мне словах, во всей той странной напряженной атмосфере, которой были проникнуты эти трагические дни.

* В этих записках, как и во всех прочих, касающихся событий в России, даты сообщены по старому стилю (примеч. автора).

НОЯБРЬ 1916

Невский проспект по пути из Юсуповского дворца в Гостиный Двор, куда мы едем в машине князя выбрать материи для новых помещений. У него необычно рассеянное и взволнованное лицо. Внезапно он прерывает разговор об оттенках шелков: «Читали ли вы отчет о вчерашней речи Пуришкевича в Думе?³⁴ Я был на этом заседании... Так не может, не должно продолжаться! Подумать, что Россия гибнет из-за одного невежественного, чудовищно развращенного мужа!³⁵»

НАЧАЛО ДЕКАБРЯ

Дворец Юсупова. Работы по отделке апартаментов в полном разгаре, и их посещает Великий Князь Дмитрий Павлович³⁶. Меня представляют ему в Гобеленовой галерее, где он стоит у колонны, поддерживающей мраморный бюст Николая I. Меня поражает сходство двух лиц: мраморного и живого. Но его лицо тоже как будто высечено из мрамора — до такой степени оно неподвижно и непроницаемо. Его Императорское Высочество выражает желание посмотреть подземное помещение. Ряд зал, через которые мы проходим, как будто мало его интересуют. В подземелье он остается долго и внимательно его осматривает. Пристально смотрит на окна, выходящие на Мойку, помещенные в распалубках гранитных сводов. Единственный вопрос, который он задает мне: «Как закрываются окна на ночь? Нужно, чтобы были арочные, массивные, дубовые ставни»

ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ

Работы во дворце посещает Александр Бенуа³⁷ в сопровождении князя Аргутинского-Долгорукого³⁸. Они с интересом осматривают главные залы, начинающие уже принимать свой окончательный облик. Почти закончены расписные плафоны и стенная живопись, расставляется драгоценная мебель, развешиваются картины больших мастеров, находят свое место статуи и редкостные предметы, выбранные из неисчерпаемых богатств Юсуповских собраний.

Очень их занимает и та часть апартаментов, которая образует как бы гарсоньерку³⁹ молодого князя. Эта часть дворца, отделенная от прочих покоев парадным входом молодых Юсуповых, включала в себя расположенную над нижним помещением студию, могущую служить спальней. (Кровать была замаскирована тяжелыми занавесками между колоннами портика, обрамляющего монументальное окно с видом на уходящую в глубину Мойку.)

К студии примыкал целый ряд маленьких помещений: ванная, шестиугольная туалетная, стены которой состояли из шести зеркальных дверей, гардеробная и полукруглая прихожая, соединенная с парадным вестибюлем молодых.

Помещение, расположенное под землей, должно было в случае приезда князя служить столовой; в нее спускались по винтовой лестнице, на полпути которой был выход в боковой наружный двор, отделенный решеткой от набережной Мойки.

После осмотра подземелья, поднимаясь по дубовым ступеням лесенки, Бенуа говорит мне: «Ну и нафантазировали же вы здесь, батенька, — это какой-то Роккамболь!⁴⁰ Вот увидите, что-нибудь, да произойдет здесь».

14 ДЕКАБРЯ

Князь Юсупов говорит мне: «Андрей Яковлевич, послезавтра у меня собираются несколько друзей; я бы хотел их принять в нижней столовой; постарайтесь закончить в ней все к вечеру этого дня. На другой день мы поедем с вами в Москву и оттуда в Архангельское».

16 ДЕКАБРЯ

С раннего утра кипит работа под землей. Еще недавно здесь был банальный погреб для угля. Теперь все стало неузнаваемо. На квадратные плиты пола опираются могучие своды серого гранита. Сюда приносят старинную мебель массивного темного дуба, перед монументальным камином из темно-розового полированного гранита расстилаются шкуры белых медведей.

Мало мебели, мало предметов, но все они носят печать какого-то сложного и причудливого далекого прошлого. Против камина, в глубине закругленной части, образующей род абсиды⁴¹, через раскрытые дверцы старинного «кабинета»⁴² видна фантастическая перспектива резных колонок и их бесконечные анфилады, отраженные маленькими зеркалами. Наверху — чаша, сделанная из страусового яйца в серебряной оправе. В распалубках, образующих род звезды в сферическом своде, — глубокие мягкие кресла и низкие столики, покрытые старинной парчой. На полу медные сосуды причудливой формы с живыми растениями.

В нише галереи, ведущей на винтовую лестницу, против одной из арок, отделяющих галерею от главного помещения, ставится шкаф резного черного дерева, увенчанный древним распятием из слоновой кости.

Весь этот день прошел в лихорадочной работе в подземелье. Вечером мне нужно было отлучиться на заседание общества архитекторов⁴³, казавшееся тогда мне, молодому, только что вышедшему в свет архитектору, чрезвычайно важным. По окончании заседания и уже в поздний час я поехал опять в Юсуповский дворец, где меня должен был ждать князь, чтобы бросить последний взгляд на помещения, приготовленные к ночному приему.

16 ДЕКАБРЯ. ПОЛНОЧЬ

Мне открывает большую парадную дверь старый швейцар в пышной ливрее, весь увешанный орденами и медалями. «Их сиятельство просят вас пройти в нижнюю залу».

Через анфиладу личных парадных покоев молодого князя, слабо освещенных дежурными лампами, я спускаюсь вниз по маленькой винтовой лестнице из темного, почти черного дуба между оранжевыми стенами.

В комнате никого нет, и она слабо освещена; сажусь у стола ожидать прихода Юсупова. В полной тишине проходит несколько минут.

И вдруг я вздрагиваю от неожиданности, услышав голос князя из глубины абсиды: «Какое удивительное настроение в этой комнате; какая тишина, и покой, как далеко, кажется, находимся мы здесь от всяческой мирской суеты!»

О чем думал он и какие картины того, что должно было вот сейчас произойти здесь, проходили перед его глазами, пока он сидел и молчал в кресле, скрытый от меня пилястрой⁴⁴ абсиды?

17 ДЕКАБРЯ

Морозное утро, все залитое золотисто-розовым светом; в хрустальном воздухе застыли обсыпанные белым инеем деревья; искрящийся снег скрипит под полозьями быстро скользящих санок. Мы подъезжаем к Юсуповскому дворцу, и санки останавливаются у железной решетки. Пересекаю наружный двор и звоню у маленькой двери, ведущей на винтовую лесенку. Дверь отворяет дворецкий князя Бужинский — его личный доверенный. Меня, прежде всего, поражает его смертельно бледное лицо и беспокойно бегающий взгляд.

Ковры на лесенке сняты и ступени залиты водой: брызги ее темными пятнами выступают на нижней части оранжевых стен.

— Что случилось?

— Нет, ничего. Гости долго засиделись, мыли руки перед отъездом и, уезжая, забыли закрыть кран в умывальнике туалетной комнаты. Вода долго текла по лестнице и залила немного нижнюю залу.

Его глаза не смотрят на меня, когда он мне отвечает. На узенькой лестнице мне уступают дорогу домашние люди князя, молча и сосредоточенно трущие отсыревшие дубовые ступени. Работы во дворце продолжают, но какая-то странная, напряженная атмосфера повисла в воздухе. Не слышно ни обычных песен рабочих, ни их громких разговоров. У проходящих служащих какое-то странное, сосредоточенное выражение лиц. Князя нет против обыкновения.

Я продолжаю осмотр работ. Далеко телефонный звонок ясно слышится в необычной тишине, и меня зовут к аппарату.

Голос князя: «Андрей Яковлевич, я очень занят сегодня весь день и не знаю, смогу ли побывать на Мойке. Вечером мы с вами едем в Москву, как условились. Приезжайте за мной во дворец Александра Михайловича⁴⁵, и оттуда мы поедем прямо на вокзал».

В полуденный перерыв я вернулся домой к завтраку; разворачиваю газету, и мне бросается в глаза странная статья о таинственных выстрелах во дворе одного дворца на Мойке, о причастности чрезвычайно высокопоставленных лиц к какой-то разыгравшейся ночной драме — статья, полная неясных и тревожных намеков на таинственное исчезновение одного хорошо известного всем лица. По городу ползли странные, противоречивые слухи, назывались лица, хорошо мне известные...

17 ДЕКАБРЯ, ВЕЧЕРОМ

В условленный час с дорожным чемоданом приезжаю во дворец великого князя. Юсупов еще не вернулся — просят обождать.

Долгое ожидание в огромном двусветном вестибюле — приемной. По распашной лестнице, ведущей в верхние покои, время от времени бесшумно поднимаются и спускаются люди великого князя. У них сосредоточенно озабоченные, закрытые лица. Кто-то звонит у парадного подъезда, слышно, как отворяется тяжелая дверь и после тихого разговора вновь захлопывается.

Наконец ливрейный лакей подходит ко мне и говорит, что князь только что звонил по телефону, прося сообщить мне, что поездка откладывается на завтра, о часе отъезда он сообщит мне на Мойку.

18 ДЕКАБРЯ

Кабинет Юсупова во дворце на Мойке. Князь по телефону сообщает мне, что мы едем в Москву вечерним экспрессом. Встретимся на вокзале.

18 ДЕКАБРЯ, ВЕЧЕРОМ

Вокзал Николаевской железной дороги⁴⁶. Мы встречаемся с Юсуповым на перроне перед Московским экспрессом. Его сопровождает брат княгини Федор Александрович⁴⁷, который должен ехать с нами в Москву.

Юсупов беретса рукой за медную штангу лестницы, ведущей в вагон.

— Наши места готовы, едем...

В это время, отделившись от небольшой группы офицеров, к нему подходит гвардейский генерал; он очень импозантен, но у него необычайно взволнованное лицо. Юсупов отходит с ним в сторону, и генерал тихо говорит ему несколько слов. Видно, как ему трудно произнести эти слова.

Князь очень спокойный, тихо наклоняет голову в знак согласия, затем подходит ко мне и протягивает мне руку:

— Андрей Яковлевич, мы не едем сегодня в Москву... До завтра!

Второй раз я возвращаюсь домой все с тем же чемоданом.

19 ДЕКАБРЯ, ДНЕМ

Студия Юсупова во дворце на Мойке. Князь вызывает меня к телефону:

— Андрей Яковлевич, ну как идут работы?..

Короткая пауза, тихий, как будто чуть напряженный смех:

— Вы знаете, я арестован... Да, в Сергиевском дворце⁴⁸. Я был бы рад вас видеть — хотите навестить меня? Вы не боитесь?.. Тогда завтра в 5 часов, боковой подъезд.

20 ДЕКАБРЯ, 5 Ч. ПОПОЛУДНИ

Дворец Сергея Александровича на Невском. Небольшой вооруженный пикет в сенях бокового входа предупрежден о моем приходе и пропускает меня. По сводчатой лестнице поднимаюсь вверх мимо второго пикета. В большой квадратной гостиной, обтянутой золотисто-желтым штофом, пусто. Легкие шаги приближаются к лакированной белой двери направо. Пауза. Поворот ключа, дверь открывается и появляется Юсупов.

— Вы знаете, я смотрел в замочную скважину, чтобы убедиться, что это вы. Здесь происходят странные вещи. Кажется, клика Распутина поклялась, во что бы то ни стало, убить меня. Трепов⁴⁹ предупредил меня опасаться Протопопова⁵⁰. В тот вечер, что вы приезжали за мной во дворец Александра Михайловича, какая-то женщина долго ждала меня у подъезда. Меня вовремя предупредили. Еще вчера произошел странный инцидент с охраной: вооруженные солдаты пикета, явившиеся на смену прежнего, уже начали подниматься сюда вверх по лестнице, когда мажордом догадался спросить у них письменное предписание. Ему ответили, что не подумали его взять с собой и что они вернутся с письменным приказом. Люди эти никогда не вернулись. Теперь моя охрана контролируется Треповым... Вы знаете, что меня обвиняют, будто я убил Распутина?

Никогда не забуду я выражения его глаз, когда он произносил эти слова. Смертельный ужас прошел в них. Казалось, что какое-то магическое зеркало посылало ему отражение недавней трагической сцены. И в этот момент, когда слова его как бы отрицали его участие в драме, исчезли мои последние сомнения, и реальная правда предстала передо мной во всей своей трагической несомненности.

Этими словами заканчиваются записки Андрея, в которых он говорит лишь о том, чему ему пришлось быть непосредственным свидетелем.

Все знают, как развернулись события после убийства Распутина и что Дмитрий Павлович был сослан на персидский фронт, а Юсупов — в далекое Ракитное Курской губернии.

В изгнании страшные воспоминания не мешают Феликсу Юсупову живо интересоваться тем, что происходит на Мойке, и Андрей получает от него ряд писем с вопросами и пожеланиями.

В первое время работы во дворце еще продолжают нормально, несмотря на глухие волнения, недостаток хлеба и хвосты⁵¹ на улицах, но к концу февраля постепенно приостанавливаются из-за уже открытых демонстраций и стычек с ранеными и убитыми. Войска братаются с восставшими, на улицах строят баррикады, начинаются пожары и грабежи, воздух наполнен треском пулеметов, и из разграбленных погребов вино течет по улицам.

Утром 28 февраля Андрея разбудили крики и близкие выстрелы; в его квартиру ворвались солдаты и конфисковали револьвер, который Андрей достал после того, как его предупредили о грозящей ему опасности. Когда после обыска Андрей вышел на улицу, то увидел, что вся стена его дома изрешечена пулями, ибо здесь произошла стычка, выстрелы которой его разбудили. Так как газеты в последние дни не выходили, то Андрей отправился за новостями в Академию. Здесь он узнал о совершившемся перевороте и решил пойти на Звенигородскую, где в то время жила Е.Г. Когда он вышел из Академии, из разных частей города доносился зловещий треск пулеметов, на набережных толпился народ и бродили распоясанные, пьяные солдаты, а когда Андрей остановился на углу Николаевского моста, мимо него пронеслась верхом на покрытой пеной лошади неистово вопящая девка с развевающимися по ветру распустившимися косами и подоткнутой юбкой, с торчащими из-под нее голыми ляжками — как некий символ разнузданного, никакими идеалами не прикрытого восстания. После долгого пути мимо баррикад и пожарищ, повсюду встречая толпы солдат, то куда-то бегущих, то шагающих рядами, Андрей добрался, наконец, до Загородного проспекта, но здесь дальнейший путь оказался отрезанным: весь широкий, очень длинный и в этот момент странно безлюдный проспект обстреливался поставленными в глубине его пулеметами, заграждавшими путь к Царскосельскому вокзалу. Долго простоял Андрей за углом выходящего на Введенский канал дома, среди звякающих по бульжникам мостовой пуль, падающих людей и носилок с ранеными, пока ему

* Опасность эта касалась личной жизни Андрея и здесь не место об ней распространяться (*примеч. автора*).

удалось проскользнуть на ту сторону проспекта и, обойдя Семеновский Плац, добраться до Звенигородской.

После трагических дней восстания порядок на улицах как будто восстанавливается, но, несмотря на кажущееся успокоение, Петербург живет как на вулкане.

Не связанные больше царским приказом, Юсуповы возвращаются из изгнания, но к весне уезжают в Крым, после чего восстановившиеся было в их дворце работы постепенно затихают и вскоре окончательно останавливаются...

Вся Россия в это время была охвачена пока еще глухими волнениями, но в Гельсингфорсе и Кронштадте происходили уже открытые кровавые восстания матросов⁵². Два двоюродных брата Криммера, совсем молодые офицеры Кронштадтской эскадры, были убиты во время матросского бунта.

Становилось все труднее доставать хлеб, и безмерно удлинялись на улицах хвосты перед булочными и продовольственными лавками. В конце марта Андрею попало помещенное в газете объявление о продаже мацы ввиду наступающей еврейской Пасхи, и он тотчас же побежал по указанному адресу в самый конец Нарвской части за Обводный канал. Когда с большим кулком в руках он вышел из лачужки, где продавалась драгоценная маца, то, пересекая большой пустынный двор, он встретил почтенного еврея с пейсами, который, сочувственно улыбаясь, обратился к нему со словами: «Вот наконец и наша Пасха пришла!»

Конечно маца, бывшая некоторое время подмогой, не разрешала вопроса питания, и Андрей решил съездить к родным в Москву, где в то время вопрос продовольствия был более благополучным. На знаменитом черном рынке у Сухаревой башни⁵³ ему удалось запастись самыми необходимыми продуктами, после чего, проходя как-то по Арбату, он зашел к антиквару, которому незадолго перед тем родные Андрея сбывли в трудную минуту за бесценок еще сохранившиеся старинные предметы: расписанный цветами на фоне «рогожки» фарфоровый столовый сервиз, Гарднеровские статуэтки⁵⁴ и проч. Когда Андрей вошел в лавку, ему бросился в глаза торчащий из-под какого-то шкафа большой белый сверток, вытащив который и увидев, что в нем были листы, расписанные яркими цветочными мотивами, он тотчас же купил всю пачку (антиквар думал, что это были «какие-то старые обои»). Когда, вернувшись домой, Андрей развернул купленный сверток, то увидел, что в нем находились наклеенные на тончайший холст, исколотые булавами, но отлично сохранившиеся оригиналы для тканья «Колокольниковских шалей».

Вернувшись в Петербург с драгоценной добычей, Андрей сразу же мог убедиться, что за время короткого его отсутствия положение в городе успело сильно измениться к худшему. Не говоря уже о все увеличивающихся трудностях продовольствия, сама атмосфера города постепенно накалялась, и все чаще слышался новый лозунг: «Довольно вы нашей кровушки попили, теперь мы будем вашу кровь пить!» Между тем на улицах начались жестокие самосуды, и Андрею пришлось быть свидетелем одного из них. Как-то раз он ехал по Большому проспекту в трамвае, который остановился в двух шагах от Академии перед небольшим местным черным рынком. Здесь под деревьями широкого проспекта били со всего размаху кулаками по лицу какого-то парня; истязателей было всего три или четыре человека, и мрачно-молчаливая толпа зрителей держалась на почтительном

расстоянии. Каждый раз, как парень получал удар в лицо, уже превратившееся в сплошную кровавую рану, он падал на землю, и палачи ждали, чтобы он поднялся, чтобы вновь ударить его. Испуганная женщина в трамвае спросила стоявшую на тротуаре бабу, что случилось, и та ответила: «А кто его знает, — не то вора, не то большевика поймали». Когда трамвай наконец отошел, Андрей долго не мог опомниться от ужасающего впечатления, и вся эта сцена осталась одним из самых тяжелых воспоминаний его жизни.

Если в то время в Петербурге еще не было открытых восстаний, то часто можно было видеть движущиеся по городу демонстрации. Однажды, подходя к Тучкову мосту, Андрей увидел одну из них, широкой волной, с красными знаменами идущую ему навстречу. У самого моста остановилась группа горожан, ожидающих, чтобы процессия перешла через реку, но о чем-то задумавшийся Андрей, не дожидаясь, начал переходить через мост и почти натолкнулся на передовых знаменосцев. «А это кто такой?» — вдруг услышал он голоса. «Да чего смотреть — сбросить его в воду!» Тут только отдал он себе отчет, что был на волосок от самосуда, и страшная сцена на Большом проспекте вспыхнула в его сознании. Андрей, ничего не ответив, остановился у парапета, чтобы пропустить мимо себя процессию, и может быть, эта его остановка и молчание спасли его от гибели.

В это время в концертных залах, театрах и аудиториях часто происходили митинги, и Андрею хорошо запомнилась фигура будущего автора вышедшей впоследствии в Париже одной «заумной» поэмы, со сцены огромного Народного Театра с великим пафосом уверявшего присутствующих, что они «должны слышать, как бьется его сердце, когда он говорит о наступившей золотой эре». А в актовом зале Академии бежавшие впоследствии из советского рая Пуни и Богуславская⁵⁵ надрывались, убеждая слушателей, что только при большевиках наступит настоящий рай для художников. Но особенно запомнился Андрею диспут в аудитории Академии Наук на тему «Искусство для искусства или искусство для народа?», где многоречивый Луначарский⁵⁶ заговорил и по всем швам разбил грустно опустившего голову Мейерхольда⁵⁷, не сумевшего отстоять своей тезы. <...>

¹ Юсуповский дворец (ныне наб. р. Мойки, 94) построен на месте деревянного дворца племянницы Петра I. Первоначально двухэтажный каменный дом гр. П.И. Шувалова был по заказу его сына А.П. Шувалова в 1770-х гг. перестроен архитектором Ж.Б. Валлен-Деламотом. В 1830 г. дворец был куплен Б.Н. Юсуповым; с этого момента вплоть до революции 1917 г. дворец находился во владении рода Юсуповых. За это время он еще дважды перестраивался: в 1830–1838 гг. был достроен под руководством А.А. Михайлова, в 1890–1916 гг. А.А. Степановым была проведена капитальная реконструкция и реставрация внутренних интерьеров здания. В 1913–1916 гг. Андрей Белобородов занимался оформлением комнат первого этажа вместе с архитектором А.П. Вайтесом и художниками В.М. Конашевичем, Н.А. Тырсой и С.В. Чехониным.

² Речь идет о кн. Феликсе Феликсовиче Юсупове и его жене Ирине Александровне, дочери вел. кн. Александра Михайловича; брак между ними был заключен 22 февраля 1914 г.

³ Чехонин Сергей Васильевич (1878–1936) — художник и график, член объединения «Мир искусства», ученик И.Е. Репина.

⁴ Тырса Николай Андреевич (1887–1942) — живописец, график, специалист по прикладному искусству, педагог, один из создателей ленинградской школы книжной графики. В 1905–1909 гг. он, как и Андрей Белобородов, обучался на архитектурном отделении Высшего художественного училища при Императорской Академии художеств (далее — ИАХ), однако курса не кончил. В 1906–1910 гг. занимался в частной Школе живописи и рисования Е. Званцевой под руководством Л. Бакста и М. Добужинского, входивших в круг «Мир искусства».

⁵ Конашевич Владимир Михайлович (1888–1963) — художник, график, один из известнейших мастеров книжной иллюстрации.

⁶ Роспись по эмали, нанесенной на металл.

⁷ С углублениями.

⁸ Яковлев Борис Иванович (1884–1963) — скульптор. В 1911 г. окончил Санкт-Петербургский университет, после чего поступил в ИАХ, где учился у скульптора В.А. Беклемишева.

⁹ Шарабан (от *франц.* char à banes — повозка со скамьями) — легкий экипаж.

¹⁰ Чичероне (от *итал.* cicerone, по имени оратора Цицерона) — проводник, развлекающий вас спутник.

¹¹ Ценное издание большого формата или набор листов, вложенных в специальную папку.

¹² Этот альбом с рисунками Кваренги в настоящее время не выявлен.

¹³ Речь идет об Эрзурумской кампании — крупном наступлении русской армии на Кавказском фронте во время Первой мировой войны, когда русская армия под командованием генерала Н.Н. Юденича разгромила 3-ю турецкую армию и захватила стратегически важную крепость Эрзурум, открыв себе дорогу вглубь Турции. Взятие Эрзурума произошло 16 февраля (а не в июле, как пишет Белобородов) 1916 г. Ныне город Эрзурум находится на территории Турции. Захваченный во время войны 1828–1829 гг. и возвращенный Османской империи по результатам Адрианопольского мира (эти события описаны в «Путешествии в Арзрум» Пушкина), вновь занятый русскими войсками в 1878 г. и вновь возвращенный согласно Берлинскому трактату Турции, с 1916 по 1917 г. занимаемый русскими войсками, он и после Первой мировой войны вновь отошел Турции. Эрзинджан — город, расположенный недалеко от Эрзурума.

¹⁴ Окунев Николай Львович (1885–1949) — историк искусства, знаток древнерусского, русского, византийского, средневекового сербского искусства и архитектуры. В 1917–1920 гг. преподавал историю искусства в Петрограде, а позднее в Одессе и Скопле. С 1925 г. вел курс по византийскому и славянскому искусству в Карловом университете в Праге. Почетный член общества «Икона» в Париже.

¹⁵ Карс — город, расположенный на территории современной Турции. На протяжении всей своей одиннадцативековой истории переходивший из рук в руки, этот город сохранял свое стратегическое значение и во время русско-турецких войн XIX в. Взятый штурмом в ходе кампании 1877–1878 гг., Карс по Сан-Стефанскому мирному договору отошел к Российской империи. Однако сорок лет спустя, по условиям Брестского мира, Карс вернулся под власть Турции.

¹⁶ «На войне как на войне» (*франц.*) — французская поговорка.

¹⁷ Помещение в ИАХ.

¹⁸ См.: Русский зодчий за рубежом. 1938. № 9/10. С. 17–20. URL: https://vtorayaliteratura.com/pdf/russkij_zodchij_za_rubezhom_09-10_1938.pdf (дата обращения: 01.10.2019).

¹⁹ Ставка генерала Н.Н. Юденича.

²⁰ Построенные на месте целебных сернистых источников, знаменитые Тбилисские бани, описанные А.С. Пушкиным в «Путешествии в Арзрум» (1829).

²¹ Гостиница «Франция», принадлежавшая Елене Ивановне Латри, дочери И.К. Айвазовского, являлась своего культурным центром курортной Ялты. Прекрасное класси-

ческое здание было в середине 1880-х гг. построено под руководством П.К. Терebeneва и достроено под наблюдением Н.А. Штакеншнейдера. Помимо ресторана на первом этаже располагались книжные магазины. Самый известный из них, «Избушка», принадлежал И.А. Синани; здесь, кроме дружившего с ним Чехова, бывали Горький, Бунин, Куприн, Андреев, Гиляровский, Мамин-Сибиряк, Немирович-Данченко, Телешов и др. Разрушенное во время Великой Отечественной войны здание восстановлено не было.

²² Лицо неотождествленное.

²³ Кореиз — поселок на южном берегу Крыма, где находился принадлежавший Юсуповым Мисхорский (Кореизский) дворец. Имение это, ранее принадлежавшее А.С. Голицыной, было в 1880 г. куплено кн. Ф.Ф. Юсуповым у винодела Морозова — тогдашнего владельца. В 1909 г. под руководством архитектора А.Н. Краснова дворец был существенно перестроен, в чем деятельное участие принимал и Юсупов-младший. Здесь он с супругой провел последние годы перед эмиграцией.

²⁴ Княгиня З.Н. Юсупова (1861–1939) — дочь Н.Б. Юсупова; вышла замуж за гр. Феликса Сумарокова-Эльстона (см. о нем ниже). Их старший сын Николай был убит на дуэли в 1908 г. После революции З.Н. Юсупова с мужем жила в Риме; оставшись вдовой, переехала в Париж, к сыну и его жене. Похоронена на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа рядом с сыном, невесткой и внучкой.

²⁵ Имеется в виду граф Феликс Феликсович Сумароков-Эльстон (1856–1928), генерал-адъютант (1915), главноначальствующий над Москвой в мае–сентябре 1915 г. После смерти своего тестя, последнего из Юсуповых, в 1891 г. особым императорским указом получил дозволение унаследовать его княжеский титул и фамилию. С тех пор именовался графом Сумароковым-Эльстоном, князем Юсуповым. Такой же титул носил и его сын Феликс.

²⁶ В Крыму Юсуповым принадлежали два поместья: уже упомянутое имение в Кореизе и небольшое имение «Кокоз», расположенное на реке Кокозке у самого подножия Крымских гор.

²⁷ Слово «яйла» по-турецки означает «плато». Высокогорные плато, зачастую служившие пастбищами, занимают большую долю площади Крымских гор.

²⁸ «Вполне неплохо» (*франц.*).

²⁹ Бахчисарай — город в центральном Крыму, расположенный на склоне Внутренней гряды Крымских гор, в долине реки Чурук-Су; бывшая столица Крымского ханства. В 1736 г. был сожжен до основания русской армией под командованием Б.К. Миниха. Отстроен заново в 1740–1750-х гг. Название города на крымско-татарском означает «сад-дворец».

³⁰ Кокоз (или Кокозы; ныне село Соколиное) — село, расположенное у самого подножия Крымских гор на пути к перевалу Ай-Петри. Здесь в 1912 г. архитектором Н.П. Красновым был выстроен для Феликса Юсупова небольшой дворец в восточном стиле. Помимо самого дворца в архитектурный комплекс имения входили: мост через реку Кокозку, стоящая перед ним мечеть — подарок князя местному населению, гостевой корпус с башней (ныне искаженный до неузнаваемости), хозяйственные корпуса, людская, конюшня, прачечная, ограда и два фонтана: фонтан у ворот и фонтан «Голубой глаз».

³¹ Краснов Николай Петрович (1864–1939) — академик архитектуры, с 1887 по 1899 г. — главный архитектор Ялты, автор проектов более чем шестидесяти значительных построек на территории Крыма. За создание ансамбля Ливадийского дворца в 1911 г. был пожалован в архитекторы высочайшего двора. В 1919 г. эмигрировал с семьей в Константинополь, затем на Мальту, с 1922 г. поселился в Белграде. В Королевстве СХС (Югославии) Краснов продолжал заниматься архитектурой; ему принадлежат проекты нескольких крупных правительственных учреждений, в том числе проект здания нынешнего правительства Сербии.

³² Строительство дворца (Хансарая) было начато в XVI в. при хане Сахиб-Гирее на левом берегу реки Чурук-Су; сюда была перенесена столица Крымского ханства. На про-

тяжении двух веков каждый следующий правитель достраивал все разрастающийся дворцовый ансамбль. В 1736 г. дворец был сожжен русскими войсками (см. выше). Ко времени посещения Белобородова во всем Бахчисарае мало осталось от его первоначального облика. Собственно, и Пушкин, прославивший его своей поэмой «Бахчисарайский фонтан» (1823), посещая дворец в 1820 г., увидел его не только заново отстроенным, но и несколько раз варварски перестроенным.

³³ Согласно преданию, фонтан был устроен ханом Крым-Гиреем в 1764 г. в память о своей умершей наложнице по имени Диляра. Первоначально он находился у стен ее мавзолея, но во время реконструкции дворца, предпринятой в связи с приездом императрицы Екатерины, был перенесен в фонтанный дворик.

³⁴ Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920) — политический деятель, создатель монархической партии «Союз русского народа» (1905), с 1908 г. возглавлял «Русский народный союз имени Михаила Архангела». Издавал черносотенный журнал «Благовест». Широкою известность получила его обличительная речь в адрес Распутина, произнесенная 19 ноября 1916 г. в Государственной думе. В этот день Пуришкевич записал в дневнике: «Сегодня я провел день глубочайших душевных переживаний. За много лет впервые я испытал чувство нравственного удовлетворения и сознания честно и мужественно выполненного долга: я говорил в Государственной думе о современном состоянии России; я обратился к правительству с требованием открыть Государю истину на положение вещей и без ужимок лукавых царедворцев предупредить Монарха о грозящей России опасности со стороны темных сил, коими кишит русский тыл, — сил, готовых использовать и переложить на Царя ответственность за малейшую ошибку, неудачу и промах его правительства в делах внутреннего управления в эти бесконечно тяжелые годы бранных испытаний, ниспосланных России Всевышним. <...> И вот я сказал <...> в Государственной думе, на всю Россию горькую истину <...> она должна показать Государю, что вся Россия, от крайнего правого крыла до представителей левых партий, не лишенных государственного смысла, одинаково оценивают создавшееся положение и одинаково смотрят на тот ужас, который представляет собою Распутин в качестве неугасимой лампы в царских покоях» [Пуришкевич 1990, с. 107–108].

³⁵ Имеется в виду Распутин.

³⁶ Великий князь Дмитрий Павлович (1891–1942) — сын великого князя Павла Александровича и греческой принцессы великой княгини Александры Георгиевны, внук Александра II, двоюродный брат императора Николая II. После убийства Распутина вместе с князем Юсуповым был арестован. В наказание был отправлен в Персию, благодаря чему смог эмигрировать.

³⁷ Бенуа Александр Николаевич (1870–1960) — художник, историк искусства, мемуарист, один из главных идеологов объединения «Мир искусства».

³⁸ Аргутинский-Долгоруков Владимир Николаевич (1874–1941) — искусствовед, коллекционер и меценат.

³⁹ Гарсоньерка — приватная комната.

⁴⁰ Рокамболь (Rocambole) — главный персонаж цикла авантюрно-уголовных романов XIX в. французского писателя Понсона дю Террай (1829–1871); нарицательное имя для авантюриста, также обозначает необыкновенные и удивительные приключения.

⁴¹ Абсида — полукруглая или многоугольная ниша со сводом.

⁴² Кабинет здесь — тип мебели, шкаф с выдвигаемыми ящиками и дверцами, установленный на высоком подстолье.

⁴³ Императорское общество архитекторов-художников (Петроградское общество архитекторов-художников; Ленинградское общество архитекторов-художников), основанное в 1903 г., существовало до 1932 г.

⁴⁴ Пилястра — вертикальный выступ стены, условно изображающий колонну.

⁴⁵ Дворец, расположенный по адресу: наб. Мойки, д. 106, построенный в конце XVIII в. и дважды перестроенный в XIX в. архитекторами И.А. Монигетти и Н.И. де Рошефором, был передан по случаю бракосочетания великому князю Александру Михайловичу и великой княжне Ксении Александровне, дочери Александра III. Интерьеры особняка были заново отделаны по проекту Н.И. де Рошефора.

⁴⁶ К открытию в 1851 г. Николаевской железной дороги, соединившей Москву со столицей, архитекторами К.А. Тоном и Р.А. Желязевичем были построены по единому проекту Николаевский (ныне Московский) вокзал в Петербурге и Николаевский (ныне Ленинградский) вокзал в Москве.

⁴⁷ Романов Федор Александрович (1898–1968) — сын великого князя Александра Михайловича и великой княгини Ксении Александровны, внук Александра III по материнской линии, правнук Николая I по прямой мужской линии; младший брат жены Феликса Юсупова княгини Ирины Александровны.

⁴⁸ Сергиевский дворец (дворец Белосельских-Белозерских), расположенный на углу Невского проспекта и Фонтанки, в 1847–1848 гг. был перестроен архитектором А.И. Штакеншнейдером в стиле второго барокко. Принадлежал князьям Белосельским-Белозерским, в 1884 г. передан великому князю Сергею Александровичу (младшему брату Александра III) ко дню его вступления в брак с Елизаветой Гессен-Дармштадтской (Елизаветой Федоровной) и получил новое название — «Сергиевский».

⁴⁹ Трепов Александр Федорович (1862–1928) — с ноября по декабрь 1916 г. — председатель Совета министров. Будучи консерватором, добивался отставки А.Д. Протопопова.

⁵⁰ Протопопов Александр Дмитриевич (1866–1918) — последний министр внутренних дел Российской империи.

⁵¹ Очереди.

⁵² В первые дни марта 1917 г. в Гельсингфорсе и Кронштадте начались матросские волнения, в ходе которых произошли кровавые расправы над офицерами Балтийского флота. 7 марта 1917 г. З.Н. Гиппиус записала: «В Кронштадте и Гельсингфорсе убито до 200 офицеров... Адм. Непенин телеграфировал: “Балтийский флот, как боевая единица, не существует. Пришлите комиссаров [Временного правительства]”. Поехали депутаты. Когда они выходили с вокзала, а Непенин шел к ним навстречу, — ему всадили в спину нож» [Гиппиус 1999, с. 481]. Ср.: [Дудоров 1993; Революция и гражданская война в России... 2008].

⁵³ В 1812 г. после отступления из Москвы французской армии распоряжением главнокомандующего Москвы гр. Ф.В. Ростопчина на Большой Сухаревской площади была введена воскресная торговля похищенным во время войны имуществом. Традиция закрепилась, и рынок продолжил существовать, с каждым годом все разрастаясь. В 1915 г. суммарная территория «Сухаревки» составляла почти 4 гектара. Рынок действовал даже в период военного коммунизма. В 1924 г. в связи с упорядочиванием частной торговли было принято решение о создании на его месте нового регулярного Сухаревского рынка.

⁵⁴ Статуэтки, изготовленные на фарфоровом заводе, основанном англичанином Ф. Гарднером в середине XVIII в. в селе Вербилки на реке Дубне; марка этого завода высоко ценилась вплоть до 1870-х гг.

⁵⁵ Пуни Иван Альбертович (1894–1956) — художник-авангардист. Богуславская-Пуни Ксения Леонидовна (1892–1971) — его жена, художница авангардного направления, дизайнер, поэтесса. Пуни и Богуславская эмигрировали в начале 1920-х гг. сначала в Германию, затем во Францию.

⁵⁶ Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) — политический деятель, писатель; с 1917 по 1929 г. — первый нарком просвещения.

⁵⁷ Мейерхольд Всеволод Эмильевич (187–1940) — режиссер.

**К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА
ФЕДОРА БОРИСОВИЧА ПОЛЯКОВА**